

Слова бандита мало помогли ему успокоить нервы: Октавиус снова взялся за старое, и всего через несколько месяцев после его последней вылазки в науку. Он боялся представить, что увидит там снова: еще больше невинных, превращённых в безмозглых дураков? Или он просто найдёт их разрезанными на куски ради «биологии»?

И все же было кое-что, чего ему не хватало. Он сказал, что они забирают людей, которые «не пропадут»? Первым делом он подумал о цветных жителях, но он уже был в «Негритянском мире», и там не регистрировали случаи пропажи людей. Однако Питер сомневался, что после последней истории с Робби, которому продырявили мозги, они не заметят, как пропадёт большая часть населения.

— Робби... — Питер крепче сжал револьвер. Он и Фелиция... ошибки, которые он не мог стереть. Каждый раз, когда он видел ее на балконе комнаты или Робби, сидящего дома, он вспоминал, как плохо поступил. Может быть, если бы он сначала отправился на остров Октавиуса, если бы не навестил Фелицию и не попросил укрытия у неё, у них все было бы хорошо. Она не была бы вынуждена прятаться за маской, а ему не хотелось бы умереть.

Но сейчас было не время для жалости к себе. Как сказал ему однажды Урич: «что посеешь, то и пожнёшь», и эти слова казались почти пророческими, учитывая то, что случилось с угрюмым репортёром.

Он ничего не мог сделать, чтобы изменить прошлое, ему просто нужно было стать лучше в будущем.

Зрелище было таким же извращённым, как он и ожидал, хотя и по другим причинам, чем он предполагал.

Подвал был превращён в импровизированную лабораторию, а в воздухе стоял смрад из крови и гниющего мяса.

— Прямо как на скотобойне... — он поморщился, прикрывая нос и рот, чтобы не сработал рвотный рефлекс. Стены были разрушены, чтобы освободить место для столов и тележек с инструментами, на полу валялись куски кирпича и камня. Очевидно, это была любительская работа; должно быть, он нанял для этого всех головорезов, которых смог найти.

Либо так, либо его нацистские приятели теряли хватку. И он предпочёл бы последнее.

Однако его внимание привлекло содержимое стола: тела, едва прикрытые окровавленными лоскутами ткани, обнажённая плоть была липкой и вязкой. Человек-паук подошёл ближе и положил руку на шею ближайшего из них.

— ...Мёртв, — Питер покачал головой и закрыл пустые глазницы человека. По состоянию тела можно было предположить, что его убили недавно, может быть, день или два назад. По крайней мере, трупное окоченение еще не прошло.

Он откинул одеяло и едва не отшатнулся от увиденного.

— Боже мой... что, черт возьми ты делал, Отто? — он покачал головой. На этот раз их мозги

остались нетронутыми, но зато конечности мутировали и были оснащены технологиями, выходящими далеко за пределы его понимания, черты лица были извращёнными и гротескными. Слишком маленькие руки, слишком длинные ноги... как у куклы, состоящей из различных частей.

— Похоже на протез... — Паркер поднял металлическую конечность и внимательно осмотрел ее. Его озадачил не столько металл, сколько линии света на его поверхности. Это было странно: несмотря на то, что тело давно остыло, металл был тёплым на ощупь, легко проникая даже сквозь толстые перчатки.

Он уже видел эксперименты этого безумца и даже одобрял его методы. Прикрепление электродов к мозгу обезьяны? Питер легко оправдал это, когда впервые увидел, даже не обращая внимания на ругань Робби по дороге домой. Страданиям животных можно было найти оправдание, лишь бы польза для человечества была достаточно существенной. Прогресс требовал компромиссов, пусть и неприятных.

Вот только у Октавиуса было другое определение животного.

Очевидно, он снова изменился, если его жертвы были хоть каким-то признаком.

— Немцы?.. — Его брови нахмурились. Их черты были достаточно отчётливыми, чтобы выделяться, те, что не были изуродованы до неузнаваемости. Все мужчины были красивы и хорошо сложены, а женщины, несмотря на условия жизни, сохраняли определённую красоту. Питер уже слышал об идеологии нацистов, их вере в истинную расу и превосходство над другими. Он знал о вере Отто в это, но теперь...

Теперь казалось, что Октавиус делает все возможное, чтобы извратить ее.

«Неужели нацисты приказали ему ставить опыты на своих людях?»

Он не был посвящён в дела немецкого правительства и не имел ни малейшего представления о том, что творится в голове у канцлера Германии. Но он не стал ничего сбрасывать со счетов; если Октавиус был настолько отчаянным, что нанимал бандитов и похищал людей на улицах, он не стал бы сомневаться в этом.

«Кстати говоря, а вот и гости...» — Питер спрятался в углу разрушенной стены, укрывшись в тени. Появились ещё четверо бандитов, каждый из которых выглядел так же растрепанно и изможденно, как и предыдущая пара.

— Мужик, эта работа отстой... — средний из них пробормотал. — Мы должны искать немцев, а что мы получим? Мелочь! — он сплюнул. — Как знал, что надо было записываться в «Гамбинос»; наверняка они не заставляют тебя искать кайзеров(П/П: Кайзер, а по немецки der Kaiser, это титул монарха императорского ранга, который использовали только в Германии.), чтобы превратить их во франкенштейнов.

— Да, док мало платит.

Другой с ворчанием пнул валяющийся камень.

— Давай поделим нашу долю, когда нам заплатят. От этого места воняет.

— Ты сам это сказал, и не только из-за этой вони.

Обезвредить их оказалось достаточно простым делом. Он оставил их на крыше, завязав им рты, чтобы те, кто был в сознании, не кричали.

Когда копы найдут их, они расскажут обо всем и, скорее всего, обвинят во всем Октавиуса.

Если повезёт, им дадут лет пятнадцать, и то, если им удастся убедить парней в синем, что они понятия не имели, что «добрый доктор» делал со своими жертвами.

<http://tl.rulate.ru/book/103272/3627250>